

ИНТЕРВЬЮ И КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ ПЕТЕРА ВЕССЕЛЯ ЦАПФФЕ

СОСТАВИТЕЛЬ — ВЛАДИСЛАВ ПЕДДЕР

ТОТЕНБУРТ

МОСКВА 2025

УДК 1
ББК ББК 87.3(4Нор)
И73

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Составитель, перевод с норвежского и английского — Владислав Педдер.

И73 Интервью и критический анализ философии Петера Весселя Цапффе. — М.: Тотенбург, 2025. — 190 с.

Откройте для себя неизвестную сторону Петера Весселя Цапффе. Впервые в мире — три сенсационно найденных интервью великого норвежского философа-пессимиста, десятилетиями скрытых в архивах. Услышите его живой голос: от ранних мыслей о страдании, вдохновивших Лиготти, через «суд над жизнью» — к пронзительному завещанию о нигилизме как честности и пессимизме по отношению к жизни. Дополняют сборник пять глубоких статей о связи его идей с Кьеркегором, Шопенгауэром и Лиготти. Это не просто сборник — это прорыв в изучении наследия Петера Весселя Цапффе.

УДК 1
ББК ББК 87.3(4Нор)

© Владислав Педдер,
составление сборника,
перевод с норвежского,
перевод с английского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
ОТ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА	5

ИНТЕРВЬЮ С ПЕТЕРОМ ВЕССЕЛЕМ ЦАПФФЕ

<i>Интервью Хеннинга Синдинга-Ларсена для газеты Aftenposten, четверг, 17 декабря 1959 г.</i>	
ФИЛОСОФ В РЕЗЕРВЕ. ДОКТОРУ ФИЛОСОФИИ ПЕТЕРУ ВЕССЕЛЮ ЦАПФФЕ ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ	11
<i>Интервью и статья Гейра Т. Х. Эриксона для журнала Gateavis, № 102, июль 1984 г.</i>	
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ ЖИЗНИ	23
<i>Интервью Бо Виуфоса — ориентировочно 1989/1990 г.</i>	
«ИИСУС ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ ПСИХОПАТОМ»	39

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПЕТЕРУ ВЕССЕЛЮ ЦАПФФЕ

<i>Гисле Р. Тангенес</i>	
ВИД С ГОРЫ ЦАПФФЕ, 2004 г.	51
<i>Роз Фремстедаль</i>	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПЕССИМИЗМ У ПЕТРА ВЕССЕЛЯ ЦАПФФЕ И СЕРЕНА КЬЕРКЕГОРА, 2005 г.	59

<i>Сильвия Серафимова</i>	
О ГЕНЕАЛОГИИ МОРАЛИ. РОЖДЕНИЕ ПЕССИМИЗМА В РАБОТЕ ПЕТЕРА ВЕССЕЛЯ ЦАПФФЕ «О ТРАГИЧЕСКОМ», 2016 г.....	95
<i>Хильде Винье</i>	
ПОБЕДА ЧЕРЕЗ ПОРАЖЕНИЕ, 2017 г.	127
<i>Сильвия Серафимова</i>	
«ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ»: ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ ЛИ ПЕТЕР ВЕССЕЛЬ ЦАПФФЕ АНТИРЕПЛИКАЦИОННЫХ УСТАНОВОК? 2024 г.	157

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА

Этот сборник объединяет три ранее не публиковавшихся интервью Петра Весселя Цапффе и пять аналитических статей, посвященных различным сторонам его философской деятельности. Первая беседа, датированная 17 декабря 1959 года и проведенная Хенningом Синдингом Ларсеном для газеты *Aftenposten*, открывает читателю раннее осмысление Цапффе роли индивидуального страдания в формировании мировосприятия. Это очень важное интервью, в нем Цапффе показывает свое личное отношение к ряду вопросов жизни, то, что ранее он начал в «Последнем Мессии» и не мог публиковать в рамках академической работы «О трагическом». Не удивительно, что именно это интервью вдохновило Томаса Лиготти, что впоследствии вылилось в его «Заговор против человеческой расы». При этом, несмотря на всю важность этого интервью, — найти его было самым сложным этапом для меня, в моем распоряжении были лишь отрывочные записи, название газеты и год публикации, на поиски и многочисленные запросы в архивы Норвегии и газеты ушло больше года. Вторая публикация, интервью с Гейром Т. Х. Эриксоном для журнала *Gateavis* (№ 102, июль 1984 года), фокусируется на юридическом и нравственном измерении конфликта человека с жизнью, разбирая термин «судебный процесс против жизни» как метафору внутреннего суда. В третьем разговоре 1990 года, озаглавленном *Jesus må ha vært en psykopat*, записанном Бо Вьюфом для

региональной газеты, Цапффе в последний год своей жизни разграничивает понятия пессимизма и нигилизма и утверждает, что нигилизм — единственная форма честности по отношению к факту непостижимости сознания. Это интервью созвучно с документальным фильмом о Петере Весселе Цапффе, в котором тот успел принять участие для NRK TV — *Den humoristiske pessimisten*, вышедшем в том же году, что и интервью Бо Вьюфа.

Частично материалы для сборника предоставлены архивом Норвежской национальной библиотеки (*Nasjonalbiblioteket*), за что я лично благодарен за помощь архивариусу Леннарту Нильсену (*Lennart Nilsen*), который направил мне копию газеты 1959 года из закрытого фонда.

Ни одно из этих интервью до сих пор не публиковалось ни на русском языке, ни тем более в мировом пространстве. Публикация интервью позволяет читателю лично убедиться в том, как менялось мировосприятие философа на протяжении его зрелого периода, от начала 1960-х к середине 1980-х, а не только через статьи, которые во многом и основаны на этих первоисточниках, на это и был направлен выпуск данного сборника.

После интервью следует цикл из пяти статей, каждая из которых исследует связь мыслей Цапффе с ключевыми фигурами западной философии. Тема Томаса Лиготти раскрыта через анализ общего мотива «страха перед не-я» и его отражения в творчестве норвежского автора, подчеркивая, что и Лиготти, и Цапффе видят в сознании источник зла не меньший, чем в окружающем мире. Статья о связи с Сереном Кьеркегором рассматривает понятие отчаяния как переходный этап между верой и ниги-

лизмом, показывая, что Цапффе развивает идеи датского мыслителя дальше, применяя их к социокультурным условиям Скандинавии. Исследование наследия Шопенгауэра демонстрирует, как представление о «воле к жизни» трансформируется и какие риски это влечет для этики.

Должен с прискорбием сообщить, что сборник не полный, отсутствует нескольких работ, которые были созданы Цапффе в конце жизни. В частности, все еще в поиске полный текст его панегирика в жанре черного юмора, предназначавшегося для чтения на собственных похоронах. Сохранился лишь фрагмент, читаемый спустя десятилетия в рукописных заметках:

«Дорогие, все те, кто пришел попрощаться с обителью моей души. Прощайтесь с непостижимым синтезом, объединявшим их с 1899 года и сохранявшимся 90 лет, прежде чем снова распасться на неорганические элементы. Спасибо, что пришли, все вы и каждый в отдельности, каждый со своей собственной точкой зрения на произошедшее как на закономерность или случайность. Этому мы должны быть отчасти благодарны, а отчасти рассматривать как коварного врага, если только мы считаем сознание за то ответственным. А если нет, то нам сказочно повезло, но, с другой стороны, наоборот. Часто оказывается, что наше сознание только и ждет в засаде, чтобы в неожиданный момент напасть на нас. В любом случае, человечество приходит из Ничто и идет к Ничто. За этим нет ничего и беспокоиться не о чем. Прощайте, все».

Наконец, сборнику недостает интервью для газеты *Asker og Bærum*: по сведениям Юргена Хааве в его книге «Обнаженный под космосом. Петер Вес-

сель Цапффе — биография» Цапффе в нем опровергал ярлык «пессимиста», называя себя «нигилистом», текст интервью до сих пор не найден. Работа над поисками материалов продолжается.

Я проверил все доступные фонды и отобрал те статьи, которые отражают главные этапы и ключевые темы философского поиска Цапффе. Если читатель обнаружит в этом томе пробелы, подобные отсутствующим текстам, прошу отнестись к ним как к вызову будущим исследователям: документация жизни и мыслей Цапффе по-прежнему фрагментарна, и только системная работа может заполнить возникшие пробелы.

Хочу отдельно обсудить сложности перевода в работах Петера Весселя Цапффе, это издание — продукт своего времени. Оно останется отпечатком в истории нашего времени. Для полного понимания мысли и философии Петера Весселя Цапффе я настоятельно рекомендую обратиться к оригиналу на норвежском и не рекомендую использовать переводы на английский язык, они, как и данный перевод на русский язык (в том числе и мои предыдущие переводы «Последнего Мессии», «Я выбираю истины» и «О трагическом»), не могут в полноте передать мысли Цапффе и его терминологию, хотя я и стремился всюду добавлять оригинальные слова и фразы на норвежском в сносках и скобках. Я уверен, что пытливым ум читателя найдет для себя много интересного в оригинале, чего невозможно донести при переводе.

**ИНТЕРВЬЮ
С ПЕТЕРОМ ВЕССЕЛЕМ ЦАПФФЕ**

Интервью Хеннинга Синдинга-Ларсена для газеты Aftenposten,
четверг, 17 декабря 1959 г.

ФИЛОСОФ В РЕЗЕРВЕ. ДОКТОРУ ФИЛОСОФИИ ПЕТЕРУ ВЕССЕЛЮ ЦАПФФЕ ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ

*En tenker i reserve dr. philos. Peter Wessel Zapffe 60 år i morgen.
Intervuet av Henning Sinding larsen. Aftenposten, 12/59*

Перевод с норвежского

Редко случается, чтобы докторская диссертация была столь внушительна, что могла бы прельстить даже штангиста¹. Диссертация доктора философии Петера Весселя Цапффе «О трагическом» отпугнула многих своим устрашающим объемом. А жаль, ибо тот, кто отважится погрузиться в ее 626 страниц, быстро окажется во власти магии стиля, внушительной силы словесных образов, буйства фантазии, порождающих чудовищные образы, и особенно сильно охватывает тебя глубина трагического пафоса, стоящая за попыткой проникновения в самую суть трагического. Послушайте, что профессор Арне Несс говорит о докторе Цапффе, которому завтра исполняется 60 лет: *«Его философия базируется на том, что он называет "объективно трагическим" — катастрофой, которая не человеческой несостоятельностью в битве, но возникает из превос-*

¹ *Vektlofter*. Речь о том, что работа настолько объемная и «тяжелая» (в буквальном и переносном смысле), что она могла бы заинтересовать штангиста как снаряд для подъема. — *Прим. пер.*

ходства, из избыточного оснащения по сравнению с теми биологическими, социальными и метафизическими возможностями, которые может дать жизнь. Катастрофа лежит на пути развития человека как духовного существа. Цапффе занимает исключительное положение в скандинавской философии жизни. Своим главным трудом «О трагическом» он создал философское сооружение, которое в целях всеобъемлющего анализа затрагивает целый ряд центральных вопросов нашего времени, и делает это с той оригинальностью и интенсивностью вовлечения, что напоминает Серена Кьеркегора!

По образованию Петер Вессель Цапффе — юрист. Именно он писал стихи о прецедентах к государственному юридическому экзамену. Однако его интересы простирались далеко за пределы юриспруденции. Его привлекала литература, изобразительное искусство и многое другое. Его жажда знаний не знала границ — об этом свидетельствует впечатляющий библиографический список, который он приложил к докторской диссертации. Тем не менее Цапффе считал себя недостаточно подготовленным. В предисловии он упоминает некоторые требования, которые следовало бы предъявить автору труда о трагическом:

«Помимо этого, необходимо было бы досконально изучить трагические произведения, их процесс создания, а также самому прожить богатую и насыщенную жизнь, иметь опасных врагов и значительных друзей, познать предательство и верность, испытать личные и любовные отношения с различными женщинами, быть свободным и связанным, пережить собственные падения со жгучим стыдом и выстоять перед незаслуженными ударами

судьбы с горьким чувством несправедливости, бороться за существование на исходе сил, испытывать паническую потребность в частичном или всеобъемлющем признании, знать ликование триумфа, быть закаленным в экстазе героизма, парализованным страхом, истерзанным моральными конфликтами, собирать плоды познания со зрелым рассудком и обостренной чувствительностью, проходить через периоды депрессии и экзистенциальной тревоги, а также пережить череду значительных кризисов и душевных потрясений. Лишь тогда можно было бы рассчитывать на то, что в душе возникнут те самые резонансные камеры, которых требует этот материал».

Некоторые читатели удивятся и спросят: «Неужели это тот самый Цапффе, что написал забавный трактат о спальных мешках в ежегоднике Туристической ассоциации?» Да, это он. Он — человек неожиданных. В молодости был одним из самых страстных покорителей горных вершин в Норвегии. Он не замечал пропасти под ногами. Зато теперь он ясно видит обрывы, которые, по его убеждению, окружают нас со всех сторон, так что все пути в конце концов ведут вниз. Интервьюеру не нужно долго беседовать с ним, чтобы почувствовать это.

— Как ощущается, когда стукнуло шестьдесят?

— Это все равно что израсходовать три четверти из восьмидесяти дукатов, выданных на дорожные расходы, и не иметь ни малейшего понятия, куда они пропали.

— Говорят, что шестидесятилетие — прекрасный возраст: мол, к этому моменту наступает ясность?

— Все зависит от того, что именно прояснилось. Покров Майи — иллюзий — спадает с вещей: кто-то в женственной грации замечает лишь пере-

распределение жировой прослойки, а в улыбке — лишь обнаженный череп и зубы. Вот такая «ясность» — сомнительное благо.

— А зрелость?

— Мы копим знания, прозрения, открытия, словно бросаем монеты в копилку. Когда та, наконец, полна, ее владелец приходит и разбивает ее вдребезги. Мы — туман над болотом, снежные заносы на горной вершине, пена на гребне волны. Синтез распадается, потенциал утекает. Вот и все, таков итог.

— Не могли бы вы пояснить это подробнее?

— Если сравнить пепел безделушки с пеплом истинного шедевра, то при окислении вся разница стирается. Но я скажу Вам одно: Ваши читатели от этого не получают ни малейшей пользы. Мои взгляды и главные вопросы настолько безнадежно несвоевременны, столь негативны, столь непопулярны и так далеки от жизни, что мне больше по душе хранить молчание. Да и роль «просветленного мудреца», который, положив руку на веху, оборачивается к человечеству и посыпает им в пищу золотые зерна, мне чужда. Впрочем, я и сам кое-что написал о юбилярах-академиках, что в приступе дешевой искренности подносят нам булыжники житейской мудрости, словно жемчужины диадемы.² Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался³, говаривали римляне. Гораздо разумнее опираться на едва уловимый

² В оригинале ...*som i de billigste førsteinnfall skjænker oss pandestenen av sine erfaringers diadem* — «...которые в самых дешевых первых порывах дарят нам лобный камень из диадемы своего опыта». Ключевое слово — *pandestenen*, что дословно означает «лобный камень» (*pande* — «лоб», *sten* — «камень»). Это, конечно, не устойчивое выражение в норвежском языке, а образное, ироничное высказывание. Я постарался сохранить иронично-циничное отношение к академикам. — Прим. пер.

³ *Bene qui latuit, bene vixit.* — Прим. пер.

намек — на то глубокое, тихое, сильное, мягкое, что исчезает, стоит только заговорить.

— Почему же вы стали писателем?

— Я не «стал писателем». Но иногда случается, что аффекты — например, гнев — берут верх, и тогда уже недостаточно быть папашей за обеденным столом, который в бессмертных взрывах разъясняет шатающимся сотрапезникам, как надлежит править миром. Я имею в виду *гнев* с двумя «н» (*sinnet*), а не *ум* (*sindet*). Те, кто стер это различие, наверное, и не знают другого «ума», кроме как гнева. Так что теперь я уже успел настроить против себя и сторонников языковых реформ, и поклонников культурного смешения — тех, кто хочет вновь перепридумать язык с джинсовыми бантиками и денатурированной синтетикой, — и других, кого стоило бы направить на обследование в министерство. А также христиан и коммунистов, прогрессистов и энтузиастов развития. Скоро, пожалуй, и «художники» накинута на меня. А после этого в стране останется совсем немного людей, которых я еще осмеливаюсь называть «своими».

— Какова была цель вашего творчества?

— Пожалуй, давно настало время задать себе этот вопрос. Ведь «цель» редко бывает осознанной и тем более сформулированной. Но когда я сейчас прислушиваюсь к себе, то должен признать, что это должно было быть что-то вроде «господства сознания над бытием» — истинной гегемонии мировоззрения. При этом я старался сохранить интеллектуальную неподкупность и не исказить опыт. Развив в себе философскую силу смирения, я пришел к исключительно важному открытию: степень моей жажды не влияет на вероятность воды поблизости.

Прежде всего, вероятно, речь шла о решении моих собственных экзистенциальных проблем (об «адаптации» не могло быть и речи) перед лицом бытия, уникальности и устройства «я», жизни и смерти — в большей степени, чем о «спасении человечества», — хотя в юности нам кажется, что эти две вещи идеально совпадают. Исследование мировоззрения становится самоцелью, ибо становится ясно: у человечества есть дела поважнее «спасения». Все пророки универсализируют личный опыт. Так что лишь для личного пользования я осознал: жизнь принадлежит нам, а не мы — жизни. Что мы должны терпеть как смерть, так и другие причуды природы — это совсем не то же самое, что просто соглашаться с ними — мы научились этому во время оккупации.

— Вам не хочется «радости увядания», как говорит поэт о листе в лесу?

— С чего бы вдруг? Мы ведь никогда не висели на ветвях и не трепетали на ветру.

— Но в науку вы верите?

— Это зависит от характера задач. Говорят, что дух подобен мерцающему огню в ночи; поэтому нам нужно быть смиренными перед всем, что мы не понимаем. Какие пароксизмы самоиспаряющейся холодной смиренности можно было бы ожидать от овцы или устрицы? Мы «знаем, что ничего не знаем», но исследование того, чего мы не знаем, постепенно становится респектабельным. Мы переоснащены в способности ставить проблемы — и даже умение решать их привело нас на грань катастрофы.

— Вы нигилист?

— О нигилисте обычно говорят, что «для него нет ничего святого». Возможно, он ответил бы, что ложь уж точно не священна для него — эта всеобщая

обязательная жизненная ложь, проявляется ли она как декларированный цивилизационный оптимизм или как фальшивый, натужный крик у тех, кто должен скрывать тревожные факты от детей, чтобы те не испугались еще до того, как начали жить.

— То есть?

— Чем скорее человек осмелится привести себя в гармоничное соответствие с биологическими условиями своего существования, тем лучше. И это означает добровольное отступление от самого процесса существования, из презрения к своим условиям в мире, подобно тому как теплолюбивые виды животных вымерли, когда температура упала. На самом деле это моральный климат всего сущего, который мы не можем вынести, и эволюция может происходить безболезненно через норму двоих носителей интереса. Вместо этого мы разрастаемся и побеждаем повсюду, потому что в вынужденной борьбе мы научились изувечивать формулу в наших сердцах. Самое абсурдное проявление этой усиливающейся грубости мы, возможно, находим в тезисе о том, что каждый человек якобы обязан переносить безымянные страдания и самую худшую смерть, если это спасает или приносит пользу остальным членам его группы. Отказники нападают на тех, кто осуждает и убивает, вместо того чтобы выражать свое отвращение к мировому порядку, который создал такую ситуацию. Для независимых наблюдателей очевидно, что здесь были объединены несопоставимые явления, что никакие будущий триумф или метаморфоза не могут оправдать того, что человек оказывается униженным и уничтоженным против своей воли. Именно на мостовой из искалеченных судеб выжив-

шие несутся дальше — к новым пустым сенсациям и новой массовой смерти.

— Вы бы предпочли не родиться?

— Надо сначала родиться, чтобы иметь возможность выбирать, а тогда выбор сам по себе включает разрушение. Но спросите моего брата, что сидит в кресле.

— Но там же никого нет!

— Да, он не зашел так далеко. Но спросите его, когда он мчится ветром под небом, шумит о прибой, благоухает в траве, поглощая себя в охоте за живой добычей. Думаете, он страдает от того, что не смог исполнить свое предназначение, стоя в очереди на жилье OBOS⁴? Или вы когда-нибудь скучали по нему? Оглянитесь в набитом битком трамвае между 15 и 16 часами и спросите себя: стали бы вы позволять жребию выбрать одного из этих уставших горожан, чтобы он был тем, кого вы вновь ввели в этот мир? Вы даже не замечаете, как один выходит, а двое заходят. Но трамвай едет дальше.

— А разве нет никакого развития?

— Зубную боль не вылечить, причиняя себе боль сразу в четырех зубах. «Развитие» носит количественный характер. Чтобы обеспечить множасьщиеся ряды потомков хлебом насущным, местом в колыбели, непрерывным стоном в свободное время, приходится превращать природу в товар. Новое поколение обнаружит, что мы взорвали некий ландшафт — ландшафт собственного разума. Запасов не должно быть; необитаемый остров — преступление. Во всех

⁴ OBOS (полное название — *Oslo Bolig og Sparelag*) — крупнейший норвежский кооператив жилищного строительства, основанный в 1929 году. — *Прим. пер.*

муниципалитетах одна цель: стать больше. Гораздо больше. Максимально больше. И что дальше?

— Тогда начнется переселение на другие планеты.

— Сперва это будет грандиозное переживание — не меньше, чем у марсианина, приземлившегося на поле Неддеруда⁵. Но как только сенсация уляжется, начнутся споры о цене маргарина.

— Вы упомянули обязательства. У вас есть этика? И на чем она основана?

— Этика, основанная на опыте, естественным образом вырастает из наших условий как космических узников концентрационного лагеря. В слепом законе бренности у нас есть общий враг. Поэтому моделью должна служить этика спасательной шлюпки.

Тот, кто хочет умереть, должен иметь на это право. Но тот, кто ворует воду из бочки, становится пособником врага — и лишь любовь, неуместная с точки зрения этики, способна помешать выдать его новому хозяину.

— Имеет ли это мировоззрение практическое следствие?

— Прежде всего мы должны сделать вопрос о производстве носителей интереса этически значимым. Перед тем как подать монету нищему, человек вертит ее в руках, терзаемый выбором. А носителя интереса бросают в космическую жестокость — не моргнув глазом. Никто не моргает... разве что когда играет в «ку-ку». Перспектива пугающая. Я ведь в самом начале предупреждал, что вам не стоило в это ввязываться. Вы лишитесь читателей — и рискуете быть признанным соучастником.

⁵ *Nadderudjordet* — «поле Неддеруда» Реальный топоним в Аскере (где жил Цапффе) — символ обыденности. — *Прим. пер.*

— Не хотите ли, наконец, сказать что-нибудь «позитивное»? Я ведь знаю, вы цените какие-то вещи.

— Да, у меня есть обширные участки нормальной, не говоря уже об обыденной, натуры. Раз уж мы здесь, существует множество вещей, которым можно порадоваться. Даже в спасательной шлюпке хорошая история вызывает улыбку, а дрейфующий ящик с припасами дает повод для праздничной трапезы.

— Разве писатель не должен давать людям что-то, на что можно опереться?

— Если сама жизнь не может дать им ничего, на что можно опереться, то вряд ли это удастся писателям — разве что речь идет о новой иллюзии.

Кстати, почему это кошке не нужно помогать найти, на что «опереться» в жизни? Не кроется ли тут, пожалуй, что-то гнилое в Датском королевстве?

— У Вас есть хобби?

— Мне не нравится это слово, потому что все эти занятия столь же существенны, как и основная работа. Деньги — это время, а время — это возможность. Проблема свободного времени в том, что времени не хватает. Всю жизнь я был раздроблен на множество мелких талантов. Они вытесняют друг друга, как птицы на кормушке, — ни один не может спокойно раскрыться. Результат — лоскутное одеяло из попыток, наполовину или на четверть освоенных умений. Я проявлял себя как альпинист среди художников, как стюард среди фотографов, как шахматист среди наездников. С самого детства я сочетал героическую тягу к приключениям с чувством, что сейчас же хочу домой к маме.

— То, что вы однажды написали о бревенчатом доме, говорит о вашей любви к хорошим материалам и добротному ремеслу. Можно это процитировать?

— Пожалуйста.

— «Бревенчатый дом находится где-то между пещерой в скале и Ле Корбюзье — на той ступени архитектурной истории, где человек начал становиться хозяином природы. Но лишь начал. Сруб — это скорее компромисс, нежели диктат. В нем есть упругость и равновесие между волей и сопротивлением, и строитель относится к своим подчиненным с добротой и уважением. Бревна живут и дышат; они — наши сородичи под солнцем; у каждого своя история и своя особенность. Им дается усадка и другие права, и стороны договариваются о взаимных условиях. В бетонной казарме природа не побеждена — она раздавлена. "Типовой дом" бездушен; он склеен из мертвого праха природы в ее пятой трансформации. А душам приходится приспосабливаться к дому. Ведь им в нем жить».

— Есть ли человеческая личность, которая произвела на Вас особенно сильное впечатление?

— Если нужно назвать кого-то одного, то, помимо Ибсена, это будет Анри-Фредерик Амьель. Он обладает той полной медитативной расслабленностью, что позволяет мысли, тяжелой, как свинец, погружаться в великие концептуальные глубины — глубины, недоступные тому, чье внимание напряжено благополучием дня. Но этот избирательный, великодушный, склонный к самопознанию и самоотречению тип человека, благородный мечтатель, пронзенный иглой настоящего, — разумеется, совершенно незащищен в обществе, которое признает лишь измеримые ценности. И нация из таких утонченных умов окажется беззащитной перед любым жестоким и ослепленным завоевателем. В своей дешевой победе он с пре-

зрением прощается со сломленной мимозой, не ведая, что это человечество прощается с самим собой.

— Чувствуете ли Вы родство с Амьелем?

— Некоторые из его состояний — это идеальные вершины, на которые я с завистью поглядываю из униженного положения необходимости. Но у этого идеала нет будущего. Один известный редактор в «Кристиании» сказал своему сыну: «Ты все еще занимаешься этой чепухой?» Ну что ж, он лишь засвидетельствовал собственную духовную смерть. Но как может земля, покрытая шестью миллиардами вопящих от нужды носителей плоти, дать место тем, кто лишь размышляет и отчаивается? Кто осмелится требовать от этой охваченной паникой, неукротимо надвигающейся лавины, от этого тихоокеанского приboя челюстей и когтей, чтобы он направил свою мощь внутрь себя, вспомнил о мертвых и замученных и каждое утро с трепетом облачался в милость случая?

ХЕННИНГ СИНДИНГ-ЛАРСЕН